Разрешение эпистемологической проблемы происходит в заключительных строфах «Утреннего размышления», которые можно воспринимать как развязку обоих стихотворений вместе взятых [31] Сначала констатируется разница между внутренним и внешним зрением, слабость чувственного («бренного») зрения по сравнению с недостигаемым божественным прозрением

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел

Второстепенное значение солнца — это повод к размышлению Потенциальный разрыв снимается в последней строфе, которая всего более сближает «Размышление» с молитвой

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи

«Премудрости лучи» — это кульминационный образ всего стихотворения, совмещающий в себе и метафорический свет (духовный свет познания), и реальный, физический свет [32] Так, для Р Декарта и просветителей, как и для традиционных богословов, разум оказывается беспомощным, а зрение — ошибающимся без боже-

---

Group on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994 / Ed by M Di Salvo and L Hughes Rome, 1996 P 219—227

[31] В этом отношении нам кажется не случайным тот факт, что в «Риторике» сразу после того, как приводится «Вечернее размышление » (в качестве примера логического «распространения», § 270), следует «условный силлогизм», в котором излагаются вышецитированные аргументы, доказывающие существование Бога, из трактата Цицерона «О природе богов»

Всем читателям ясно, что начиная с заглавия эти стихотворения тесно связаны между собой, и можно сказать, что они составляют цикл Л В Пумпянский утверждал, что вместе с «Одой, выбранной из Иова, главы 38, 39, 40 и 41» и с некоторыми строфами в «Оде на прибытие < > Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года » они составляют некое целое (см *Пумпянский Л В* Очерки по литературе первой половины XVIII века С 108)

Тема Иова имеет прямое отношение к физико-теологической проблематике, и в XVIII в существовало много переложений отдельных глав из книги Иова и в прозе, и в стихах Но это тема для особого обсуждения Как и в оде Ломоносова, центральная проблема всех этих переложений — оправдание справедливости Божией Эта проблема стала особенно актуальна после появления книги Лейбница, которая и дала ей новое название — «теодицея» («Essais de Theodicee sur la bonte de Dieu, la liberte de l'homme, et l'origine du mal» (1710))

[32] Следующие, последние, строки также подчеркивают параллель между человеческим и божественным Человек характеризуется как «творец», т е он сам является микрокосмом (подобием, последователем) Бога (Ср «Всегда *творити* научи», «*Творец!*», «твою *тварь*»)